

прошлого, но и своего будущего. И эту свою способность человек никак не должен недооценивать!

1.4 О следах будущего

Следы могут показать нам не только перспективу нашего прошлого, но и нашего будущего развития, о чём свидетельствует, написанная двумя американскими учёными Fred Adams (Фред Эдемс) и Greg Laughlin (Грэг Лафлин), «Биография космоса», вышедшая под заголовком «Пять эпох космоса»⁵⁰.

Биография космоса? У меня, как историка, подобная идея вызывает сразу сомнения. Можно ли, вообще, написать законченную биографию того, что ещё не закончилось? Ведь любая биография есть конструкция, которую пишут в ретроспективе, т. е. зная, что произошло.

А вышеназванные авторы, пытаясь описать будущее, лишь предполагают, что «так произойдёт». «Такое можно ожидать только от физиков», скажет историк, который никогда не пойдёт на подобную авантюру — реконструировать историю будущего. Однако физики, реконструируя будущее, опираются на вполне реальные «следы» своего настоящего. С помощью этих следов им удаётся реконструировать научно обоснованную картину не прошлого, а будущего человечества и, надо заметить, очень мрачного будущего. По мнению физиков

«через несколько миллионов лет наша планета станет неузнаваемой, представляя собой пересохшую и выжженную пустыню.

⁵⁰ Adams, Fred/Laughlin, Greg. Die fünf Zeitalter des Universums. Stuttgart/München 2000. S. 13.

Красный и кипящий диск, выросшего до огромных размеров, солнца заполнит собой всё небо [...] Дневная температура достигнет 3000 градусов и камни начнут плавиться»⁵¹.

Но если кто-то утверждает, что подобные прогнозы не имеет никакого отношения к истории человека, то он, возможно, живёт не на этой планете. Мы ведь не можем серьёзно утверждать, что будущее человечества не имеет никакого отношения к его прошлому. Можно, конечно, «поделить» *неделимое* время истории на время, которое *было* и время, которое *будет*. Но само ВРЕМЯ остаётся принципиально неделимо. И его отдельные моменты позволяют себя познать только как «моменты целого». Тот, кто пытается написать «биографию человечества» *только* в ретроспективе, а также тот, кто пишет её *только* в перспективе, не в состоянии написать историю человечества. СЛЕДЫ дают нам возможность реконструировать как прошлое, так и будущее человека. И этой возможностью мы должны, даже если нам придётся прибегнуть к методу *имагинации* или *фантазии*, непременно воспользоваться.

Историки, однако, имеют трудности с этим методом. Даже такой теоретик истории как R. G. Collingwood (Р. Дж. Коллингвуд), тщательно проанализировавший влияние имагинационного метода на работу историка, указывает на угрозу смешения литературного и историографического способа описания прошлого.

Collingwood имел все основания выражать свои опасения, потому что как история, так и литература, реконструируя «отсутствующую действительность», прибегают к методу имагинации с той лишь разницей, что писатель создаёт «фиктивную», а историк реконструирует «реальную» действительность. Оба занимаются тем, что

⁵¹ Adams, Fred/Laughlin, Greg. A. a. O. S.12.

они «описывают». Но историк, описывая, обязан «реконструировать правдивую картину о процессах и событиях прошлого»⁵², подчёркивает Collingwood, формулируя при этом ряд требований, которые должна выполнять любая *историческая* реконструкция⁵³.

Но возможно ли строго разделить друг от друга исторический и литературный методы (ре)конструкции действительности? И как бы Collingwood отнёсся к рекомендации современного немецкого историка по истории России Karl Schlögel (Карла Шлёгеля), который в своей известной книге «Террор и мечта. Москва 1937 г.», советует своему читателю, для того, чтобы лучше понять реалии московской жизни 1930-х гг., обратиться к роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»⁵⁴?

Историки обычно советуют своим студентам читать исторические монографии, а не литературные романы, но я в этом случае абсолютно поддерживаю Schlögel (Шлёгеля). Историк не вправе игнорировать замечательные тексты только по той причине, что они являются *литературными*, а не *историческими* произведениями.

Хотя Булгаков и прибегает к аллегорическим и фиктивным средствам изображения действительности, его роман позволяет нам «почувствовать» дыхание прошлого, «ощутить» реальную атмосферу прошлой жизни. Его роман описывает реалии московской жизни намного выразительнее, точнее и живописнее, чем иная историческая монография. Тем более, что основу тех фиктивных событий, которые по версии Булгакова произошли в «одной из московских квартир»,

⁵² R. G. Collingwood. A. a. O. S. 258.

⁵³ Ebd.

⁵⁴ Schon im ersten Kapitel seines Buchs „Navigation. Margaritas Flug“ nimmt Schlögel Bezug auf den Roman Bulgakovs: Schlögel, Karl. Terror und Traum. Moskau 1937. München 2008. S. 33ff.

образуют вполне реальные тенденции московской жизни — люди действительно тогда «исчезали» трагическим образом. Я не удержался от соблазна процитировать здесь отрывок из его романа:

«Однажды в выходной явился в квартиру милиционер, вызвал в переднюю второго жильца (фамилия которого утратилась) и сказал, что того просят на минутку зайти в отделение милиции в чём-то расписаться. Жилец приказал Анфисе, преданной и давней домашней работнице Анны Францевны, сказать, в случае если ему будут звонить, что он вернётся через десять минут, и ушёл вместе с корректным милиционером в белых перчатках. Но не вернулся не только через десять минут, а, вообще, никогда не вернулся. Удивительнее всего то, что, очевидно, с ним вместе исчез и милиционер. Набожная, а откровенно сказать — суеверная Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство... Ну, а колдовству, как известно стоит только начаться, а там уж его ничем не остановишь»⁵⁵.

Начашееся в Москве 1930-х гг. «колдовство», действительно, уже было трудно остановить. Читатель, однако, прекрасно осознавал, КТО в действительности «колдовал» в Москве того времени. Не случайно роман Булгакова был запрещен в СССР на десятилетия. Но как быстро в истории могут поменяться роли между «фикцией» и «правдой»! Ведь то, что выдавалось за «правду» в 1930-х гг., оказалось сегодня (коммунистической) фантазией. А элементы «фантазий» Булгакова воспринимаются сегодня нами как поразительная правда тогдашней жизни. В одном и том же романе, таким образом, пересекаются и меняются местами и фикция, и реальность.

⁵⁵ Булгаков М. Мастер и Маргарита. Москва: изд-во «Художественная литература», 1988. С. 76.

Исследуя действенность фикции на реальную жизнь, Philipp Stoellger (Филипп Штёльгер) констатирует, что

«1) фикция, если она существует в головах людей или где-то ещё (в текстах, в картинах или сознании) сама становится ,частью` реальности. Фикция **не не-существует**, а она ,есть`, хотя она и есть *особый* случай, а именно *есть* фикция или фиктивность.

2) Фикция не является изначально, сама по себе (per se), неправдой. Мифические, утопические и эсхатологические фикции в состоянии *особым способом* продемонстрировать нам правду [...]

3) Но если это так, то тогда фикция является кандидатом на действительную (и действенную) правду [...]»⁵⁶.

Фикцией может стать не только будущее, но и прошлое человека и, особенно, то прошлое, которое *бесследно* исчезло в бездне «не-бытия», не оставив после себя никаких следов.

1.5 Бесследное прошлое

Мы не можем в нашей лекции не упомянуть того прошлого, которое было, но о котором мы ничего не знаем. Также это прошлое принадлежит в область des Dagewesenen (Heidegger) или БЫЛОГО, о котором мы, однако, ничего не знаем. Это прошлое, как «тёмная

⁵⁶ Stoellger, Philipp. Bild, Pathos und Vergebung. In: Bezeugte Vergangenheit oder Versöhnendes Vergessen. Geschichtstheorie nach Paul Ricœur. Hg. v. Burkhard Liebsch. Deutsche Zeitschrift für Philosophie. Sonderband 24. Berlin 2010. S. 184.